

Интервью с Домиником Пелью и Михаилом Ивановым

06.02.2019

ИНТЕРВЬЮ

Dentons — одна из ведущих юридических фирм в области международного арбитража в России и мире, среди ее российских клиентов — государственные и частные компании. Последние тренды в международном арбитраже и итоги нашего исследования мы обсудили с Домиником Пелью, партнером группы международного арбитража Dentons, работающим в лондонском и московском офисах фирмы, а также с Михаилом Ивановым, партнером и руководителем российской судебно- арбитражной практики Dentons, имеющим 20-летний опыт работы в международном коммерческом арбитраже в России.*

— Когда в вашей компании была создана практика международного арбитража?

МИХАИЛ: В российских офисах Dentons (в то время — Salans) практика международного арбитража была создана в конце 1990-х гг. с первоначальной ориентацией на ведение дел в МКАС и оказание помощи нашим европейским офисам в арбитражных делах с участием российских компаний. В России мы никогда не делали эту практику отдельной. Как правило, юристы, занимающиеся международным арбитражем, одновременно ведут дела в государственных судах.

ДОМИНИК: Если говорить о фирме в целом, то во многих офисах Dentons за пределами России, в том числе в Париже, Лондоне, Нью-Йорке и Сингапуре, работают партнеры, специализирующиеся в области коммерческого и инвестиционного арбитража. Одни из них занимаются только арбитражем, другие участвуют также в сопровождении судебных споров.

— Почему вы выбрали специализацию в области международного арбитража?

МИХАИЛ: Правильнее сказать, что я специализируюсь на разрешении споров, будь то арбитраж или российские государственные суды. В обоих случаях это интересная, творческая работа, позволяющая не только наблюдать, как реально действуют нормы права, но и в какой-то мере участвовать в этом процессе в качестве представителя клиента. Совмещение судебной и арбитражной практики я считаю для себя очень важным: так лучше видишь все минусы и плюсы каждой из них, и это оказывается полезным не только в процессе, но и на этапе согласования сторонами договора порядка разрешения будущих споров. Зачастую, готовя договор, стороны используют некую стандартную формулировку, не учитывающую предмет договора, цену возможного спора, необходимость последующего исполнения судебного или арбитражного решения за рубежом и т. п. Задача юриста в этой ситуации — помочь клиенту и его контрагенту определить наиболее подходящий для данной сделки порядок разрешения спора.

ДОМИНИК: Я выбрал арбитраж, поскольку жил и работал за пределами Великобритании, и у меня была возможность познакомиться с другими правовыми системами и культурами.

ДОМИНИК ПЕЛЮ

Партнер — Dentons, Лондон, Москва (с 2014 г. по настоящее время).). За последние пять лет в 12 арбитражных процессах участвовал в качестве консультанта и еще в 10 — в качестве арбитра.

Партнер — Baker Botts, Лондон (2011–2013) Партнер — Lovells, Москва (2007–2010)

Юрист — Herbert Smith, Лондон, Москва, Париж (1995–2006)

Помощник юриста — Herbert Smith, Лондон (1993–1995).

— Каковы особенности российских проектов в сфере МКА?

ДОМИНИК: Иногда российские стороны испытывают трудности, имея дело с обязательствами по раскрытию документов и свидетельскими показаниями (равно как и стороны из других стран с системой континентального права). По сравнению с международным арбитражем российское законодательство и судопроизводство отличаются большей формальностью. Арбитрам свойственны гибкость и заинтересованность в установлении истины, в некоторых случаях вопреки тому (а не исключительно на основании того), что явно следует из документов. Но при этом российские стороны получают в МКА возможности, о существовании которых раньше не знали.

— А как вы объясните то, что самым важным преимуществом арбитража для российских клиентов, судя по данным нашего опроса, является его конфиденциальность?

ДОМИНИК: Мне странно слышать о таком преимуществе, как конфиденциальность. Как правило, арбитражный процесс ведется в условиях гораздо меньшей конфиденциальности, нежели принято считать (даже по правилам, установленным в LCIA). Ничто не может помешать сторонам, например, выпускать пресс-релизы об арбитражных разбирательствах с их участием. Разумеется, представители общественности / прессы не могут присутствовать на заседаниях, — возможно, именно это и имели в виду участники опроса. Коммерческие

споры с участием российских сторон часто затрагивают деликатные вопросы, касающиеся собственности / контроля, практики ведения бизнеса, механизмов уклонения от уплаты налогов и прочего, даже если это не имеет прямого отношения к спору.

— Какие события повлияли на развитие МКА в России в течение последних пяти лет?

МИХАИЛ: С одной стороны, хочется сказать, что основным событием была реформа законодательства об арбитраже. До нее споры с иностранным элементом разрешались не только в МКАС, но и во многих региональных третейских судах. С другой стороны, как до реформы, так и после нее, по крайней мере сейчас, МКАС по-прежнему остается ведущим российским центром международного арбитража. Другой фактор — это изменение политических отношений между Россией и западными странами и санкции, как уже введенные, так и возможные в будущем. Не уверен, что такие события повлияли на количество споров, разрешаемых в международном арбитраже, но на основании собственного опыта могу сказать, что в некоторых случаях они мотивировали коммерсантов на выбор азиатских арбитражных центров.

— Согласно результатам нашего опроса, российские пользователи при разрешении крупных споров отдают предпочтение SCC, LCIA и ICC. Может ли эта тенденция измениться в ближайшее время?

ДОМИНИК: Пока я не вижу каких-либо причин для изменения данной тенденции. Исторически сложилось так, что SCC рассматривает споры с участием российских сторон, и в составе его руководства есть русскоговорящие сотрудники. Российские участники предпочитают LCIA из-за высокой репутации лондонских государственных судов и/или выбора английского права в договоре. Однако для всех европейских институтов представляет риск появившаяся пару лет назад тенденция включения российскими участниками в свои договоры арбитражных оговорок SIAC или HKIAC, при том что раньше они предпочли бы SCC или LCIA. Это связано с санкциями и пониманием нейтральности.

МИХАИЛ: В России у МКАС уже есть реальные конкуренты, и часть споров уйдет к ним. В отношении арбитража за рубежом могу сказать, что в силу изменения политической ситуации в мире в последние годы и санкционной составляющей этого процесса арбитражные центры за пределами Европы, в частности в Сингапуре и Гонконге, могут получить часть споров, которые ранее были бы переданы европейским арбитражным центрам.

— В связи с чем, по вашему мнению, растет популярность инвестиционного арбитража, несмотря на его высокую стоимость и низкий процент выигрышей?

ДОМИНИК: Российские инвесторы сегодня более подготовлены к тому, чтобы пользоваться средствами правовой защиты, предусмотренными двусторонними инвестиционными договорами, а не просто рассчитывать на политическую протекцию. Растущая доступность финансирования арбитража третьими лицами может привести к увеличению числа исков.

— За пять лет, прошедших с нашего последнего опроса, стоимость услуг при выборе консультантов стала играть важную роль. Как вы реагируете на ценовую конкуренцию?

ДОМИНИК: В моей практике было много арбитражных процессов с участием российских сторон, когда одна из них из соображений экономии выбирала консультанта без большого опыта ведения международного арбитража или консультирования по вопросам английского права (предположительно). Это можно объяснить в первую очередь начавшимся в 2014 г. ослаблением рубля по отношению к доллару, в связи с чем услуги международных юридических фирм стали менее доступны для российских клиентов.

— Насколько известность консультанта и опыт работы в качестве арбитра важны для успешной карьеры в МКА?

ДОМИНИК: Для достижения успеха важны и привлечение клиентов консультантом, и получение признания со стороны коллег, в частности благодаря научным трудам или

публикациям. Верно и то, что успешный консультант обычно имеет некоторый опыт работы в качестве арбитра, и наоборот.

МИХАИЛ: На мой взгляд, работа в области МКА в качестве представителя стороны в процессе и работа в качестве арбитра — две разные «профессии». Опыт работы арбитром далеко не всегда важен при выборе консультанта. В то же время иногда он бывает полезен при разработке стратегии и тактики процесса. Подготовленные процессуальные заявления порой кажутся стороне дела и ее консультанту обоснованными и убедительными, но взгляд человека, имеющего опыт работы арбитром, может помочь более трезво оценить перспективы решения соответствующего вопроса арбитрами или эффективность планируемых процессуальных шагов.

МИХАИЛ ИВАНОВ

Партнер, руководитель российской судебно- арбитражной практики, Dentons (с 2007 г. по настоящее время). За последние пять лет представлял интересы клиентов в 14 арбитражных процессах.

Управляющий партнер, Salans, Санкт-Петербург (2005–2011)

Советник, Salans, Санкт-Петербург (2002–2003)

Юрист, Salans, Москва и Санкт-Петербург (1998– 2002)

Юрист, Deringer Tessin Herrmann & Sedemund, Москва (1996–1998)

Партнер, M. Ivanov & Partners, Санкт-Петербург (1993–1996).

— Какой процент вашей работы связан с приведением в исполнение решений арбитражей? Каковы наиболее распространенные причины того, что стороны не исполняют добровольно арбитражное решение?

МИХАИЛ: Если говорить о временных затратах, то в течение последних пяти — семи лет приведение в исполнение арбитражных решений составляло 15–20 % от нашей практики МКА в целом. Что касается второго вопроса, то думаю, что специфической причиной, характерной для исполнения решений МКА, является консервативный, осторожный подход российских государственных судов к решениям третейских судов, в том числе к иностранным арбитражным решениям. Соответственно, у проигравшей стороны есть надежда на то, что российский суд откажет в исполнении решения со ссылкой на какие-либо предполагаемые погрешности арбитражного процесса или на нарушение публичного порядка Российской Федерации (излюбленный аргумент проигравших сторон в делах такого рода).

— Какие факторы будут влиять на развитие арбитража в России и мире в будущем?

МИХАИЛ: В России таким фактором будет отношение государства (прежде всего в лице государственных судов) к третейским судам. Чем более терпимым будет государство к третейским судам, чем более признанной на деле, а не на бумаге будет роль арбитража как законного способа разрешения споров, тем выше будет мотивация обращения сторон в арбитраж, а не в государственные суды. Хочу также выделить еще один важный для России фактор. Все, кто занимался МКА в начале 2000-х гг., знают, как непросто было найти достойного российского арбитра для международного процесса, если арбитраж проводился на английском языке. За последние 5–10 лет появился целый ряд российских юристов, успешно зарекомендовавших себя в качестве арбитров в области МКА, имеющих опыт разбирательств в соответствии с регламентами признанных европейских арбитражных центров, с хорошим знанием английского языка. Количественный и качественный рост таких экспертов неизбежно положительно скажется на качестве арбитража, проводимого в России, повысит его культуру.

ДОМИНИК: Как и для любого арбитражного центра, факторами, которые в долгосрочной перспективе будут определять успех развития арбитража в России, являются качество работы и независимость государственных судов при выполнении функции поддержки арбитражного процесса. У России есть все возможности для превращения в региональный центр арбитража, по крайней мере в рамках СНГ.

Доминик

Пелью

партнер группы международного арбитража Dentons

Михаил

Иванов

Партнер, руководитель российской судебной- арбитражной практики, Dentons

ИНТЕРВЬЮ